Илья Муромец и Сокольник (6)

Ай не далёко было от города, не близко же,
Не далёко, не близко — за двенадцеть вёрст,
Де стояла застава да богатырская,
Не вели́ка, не ма́ла — тридцать да собога́тырей,
Де хранили-каравулили стольнёй Киев-град.
Залегала дорожка ровно тридцеть лет,
И не конной, ни пе́шой не проезживал,
Не рыску́цёй зверь да не прорыскивал,
Не ясён соко́л да не проле́тывал,
А был атаманом Илья Муромец.
Де вставал старой да по (й)утру ранёшёнько,
Омываитсе старо́й да ключевой водой,
Вытираитсе старо́й да полотёнышком,
А козло́вы сапо́жки на белы́ цюлки,
А Боґу молитсе да не помножоцько,
А берёт он трубоцьку подзорную,
Он сам выхо́дя на крылецюшко,
А ище зрит-смотрит в ту сторонушку во северну —
Де на севери стоит да морё синёё,
Море синёё да ледовитое.
А ище зрит-смотрит в ту сторонушку во всто́цьную —
На востоке стоят да горы тёмные.
А ище смотрит-гледит в ту сторонушку во южную —
На юге стоят луга широкие.
А ище зрит-смотрит в ту сторонушку во западну —
Де на запади стоит да полё чистоё,
Полё чистоё да всё Кули́ково.
А там не славный Буян-остров там шатаитсе,
Не Саратовски там горы да взременя́ютсе,
А едёт боґа́тырь — забавляитсе:
Стрелоцькой он сам постре́ливат,
На лету стрелу подхватыват, на пол не (й)ураниват.
Не право́м колени еґо бума́жоцька,
А на лево́м колени еґо чернилица,
А пишот он арлык да скору грамотку.

А подъезжаёт Сокольник ко белу́ шатру,
И подмётыват он арлык да скору грамотку.
Ай-де выбегал тут старо́й ведь сам скорёшенько
И брал записоцьку лего́шонько,
А-де отдавал цитать Добрынюшке Никитицу.
А цитат Добрыня — да усмехаитце:
«Едёт боґа́тырь да похваляитце:
„Еду к вам да в стольной Киев-град,
Пошуметь я, погроме́ть да в стольнём Киеви!
Я божьи́ церкви да на дым спущу,
А древяны́ иконы — на поплав воды,
А медны иконы я во грезь стопцу,
А Владимера-князя да я под мець склоню,
Апракси́ну я княгину за себя возьму!“».
А закричал старо́й да громким голосом:
«А не времё спать — да вам пора <в>ставать,
Не от великоґо хмелю да просыпатися,
Ай не от крепкого сна, робята, да розбужатися!
А коґо ж мы пошлём да за боґа́тырём,
А коґо ж мы пошлём да за могуциим?
Как послать да не послать нам Мишку да Торупанишка?
А Мишка Торупа́нишко роду он торопливаго,
Не за что он потеря́т дак буйну голову.
А послать-то не послать Самсона сына Колыбанова?
А Самсон сын Колыбана роду он сонливого,
Не за что он потерят дак буйну голову.
А послать дак не послать-де Дюка сына Степановиця?
А не сумеёт он с боґа́тырём ведь съехатце,
А не сумеёт он с боґа́тырём розъехатце,
А не сумеёт он с боґа́тырю ведь честь воздать,
А не за что он потерят дак буйну голову.
А послать дак не послать Олешеньку Поповиця?
А Олёшенька Поповиць роду заговóрливаго,
А незави́д он потерят дак буйну голову.
А послать-то не послать Добрынюшку Никитиця?
А Добрынюшка Никитиць роду вежливаго,
А сумеёт он с боґа́тырём ведь съехатце,
И сумеёт он с боґа́тырём розъехатце,
И сумеёт он боґа́тырю ведь честь воздать».

А не видели побе́жки лошади́нноей,
А не видели поездки да молодецкоей,
То<ль>ко видели: в цисто́м поли копа́ть стоит.
Де догнал Добрынюшка Сокольника,
И кричал он во перво́й нако́н:
«Если русский боґа́тырь — да поворот даю,
А не русский боґа́тырь — я напу́с держу!»
А на ето детина не (й)ослушалсэ.
А кричал Добрыня да во второй након:
«Если русский боґа́тырь — поворот даю,
А не русский боґа́тырь — я напу́с держу!»
А на его детина не (й)ослушалсэ.
Ай и стал кричать Добрыня во третье́й након:
«Ежли русский боґа́тырь — да поворот даю,
А не русский боґа́тырь — я напу́с держу!»
А на ето детина не (й)ослушалсе.
Ай-де стал Добрынюшка ругатися:
«Едёшь, гадина ты перегадина!
Ле́тишь, ворона пустопёрая!
Ле́тишь, ма́шишьсе, сорока загумённая!
Не приворачивашь к нам на за́ставу карау́льнюю,
Ай не считашь нас, уда́лых добрых молодцов!
А была у нас убайна коровушка бозы́кова,
По загу́меньям коровина волочиласе,
Олави́ной корова да подавиласе,
А верно те, собаке, то же надобно?!»
Ай-де подъезжал Сокольник ко Добрынюшке,
Взял еґо ведь за жёлты́ кудри,
А бросил еґо ведь на сыру́ землю́,
И дал он ему ведь тут по тя́пышу,
А прибавил еще да по олабышу:
«А поезжай-ко ты назад да во бело́й шатёр,
А скажи-ко старику да ты низко́й поклон,
Ан что он вами, говна́ми, заменяитце?
А ему самому со мною ведь не справитце!»
Едёт Добрыня не по-старому,
А конь еґо бежит да не по-прежному:
Потопя́ дёржи́т Добрыня буйну голову,
Потопя́ еґо да оци ясныя.

Ай-де стал старо́й Добрынюшку выспрашивать,
А стал старо́й Добрынюшку выведывать.
«Видел в поли я боґа́тыря,
А уж шлёт он тебе да сам низко́й поклон,
И говорит: „Что он вами, говна́ми, заменяитце?
Ему самому со мною там не справитце!“».
А заслышило ухо да молодецкоё,
А завидело око да боґа́тырскоё,
А рассерди́лось еґо да ретиво́ сердце́,
А расходи́лись еґо плеча́ могучия,
А закричал старо́й да громким голосом:
«Уж седлайте, <уздайте> вы добра́ коня,
А берите еґо да со семи цепей,
А восьму кладите чересхребётную,
А на шею — кольчужоцьку сере́брену:
А не ради красы да молодецкоей —
Ради крепости да боґатырскоей,
Щобы не оставил доброй конь да во чисто́м поли».
Ай не видели, как старо́й да на коня <в>скоцил,
И не видели, как старо́й да в стремена вступил —
То<ль>ко видели, как в чистом поли копать стоит,
Из-под копыт коня да искры сыплютце,
Из ноздрей коня да пламё мечитце,
А и золотиста грива да росстилаитце,
А хвост трубой коня да завиваитце.
Ай-де говорит тут Сокольник он своим слуга́м,
А своим слуга́м, да слу́гам верныим:
«А выбирайте вы себе хозяина поласковей,
А поласковей, да вы повежливе<й>:
А со стары́м-то съехатьсе — да мне не бра́татце,
А со старым-то съехатсе — да не с родным отцом».
А тут не две горы ведь там столкнулися,
А два боґа́тыря ведь <со>езжалисе,
А под има́ земля-мать задрожала же.
А бились они, дрались да целы сутоцьки —
Сабли их да пощербалисе.
И дрались они ведь целы сутоцьки —
Копья их да повихалисе.
И хватились они ведь там в охабоцьку,

А бились-дрались да целы сутоцьки.
А старо́му похвальнё слово встретилось —
Права нога да прокользнуласе,
А лева нога да подломиласе,
Упал старо́й да на сыру́ землю.
И взмолилсэ старой Боґородице:
«Я за вас стою, да я за вас молюсь,
Я борюсь, стою за верушку Христовую,
А выдали мня да поганым на погаленьё,
Чёрным во́ронам на роста́рзаньё!»
Тут не ветёр полосоцькой возмахиват —
У старо́го силы вдвоё тут поприбыло.
Ухватил он Сокольника за подпазухи
И бросил еґо да на сыру́ землю́,
Разорвал еґо латы железныя,
Вытащил ножичёк булатныи
И хотел еґо ведь резать ґруди белыя,
А смотреть еґо да ретиво серьцо.
Замахнулсэ <старой> да во перво́й након —
А в плеци рука еґо да остояласе.
Стал старо́й Сокольника выспрашивать,
Стал Сокольника выведывати:
«А чьей ты земли, да коя матери,
И какоґо роду, коґо племени,
И как тебя зовут ведь сам по имени?» —
«Я коґда на твоих ґрудях сидел, тебя не спрашивал,
Режь же, режь меня, и то не спрашивай!»
А замахнулсэ старо́й да во второй након —
А в заведи́ рука еґо да остояласе.
И опять всё стал старо́й Сокольника выспрашивать,
А стал старой Сокольника выведывать:
«Я, — говорит, — на твоих ґрудях сидел — тебя не спрашивал.
А режь меня, — и то не спрашивай!»
Замахнулсэ старой да во третье́й након —
А в заведи рука еґо ведь остояласе.
Он опять же стал Сокольника выспрашивать,
Стал Сокольника выведывать:
«Кое́ ты земли, да коя племени,
Как зовут тебя по имени?» —

«Есь полени́ца одинокая,
Я ей сын…»

(Зап. Красовской Ю. Е.: 29 июля 1980, д. Боровская, Усть-Цилемского р-на Коми АССР — от Чупрова Леонтия Тимофеевича, 77 лет и Чупровой Анны Лукичны, 68 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.